

Пролог

ВО ВРЕМЕНА КОНУНГА* ХАРАЛЬДА СИНЕЗУБОГО КОРОТКОВОЛОСЫЕ ЛЮДИ ПРИЕХАЛИ В СКОНЕ

Множество отчаянных воинов из Сконе отправились на север с Буи и Вагном, но их ждала неудача в Хьёрундарфьорде; другие последовали за Стюрбьерном в Упсалу, разделив с ним гибель. Когда до родных берегов дошла весть, что не многие вернутся, появились многочисленные поминальные и хвалебные песни. Тогда благоразумные люди пришли к согласию: случившееся — к лучшему, и теперь можно ожидать более мирных времен. Настали времена изобилия — урожай ржи стали богатыми, а уловы сельди столь обильными, что большинство людей легко обеспечивали себя пропитанием. Однако некоторые считали, что жатва продвигается слишком медленно. Эти отправились в походы к берегам Ирландии и Англии, где судьба им улыбнулась, и многие остались там надолго.

Тут в Сконе принялись наведываться коротковолосые люди из страны саксов, а также из Англии с целью распространения учения Христа. Они рассказывали массу диковинных историй, и поначалу люди жадно им внимали. Женщины с удовольствием принимали от чужеземцев крещение, а те преподносили им в дар белые платья. Но скоро жители утомились от приевшихся проповедей, так как содержание их казалось туманным, а произносились

* Конунг — военный вождь, представитель родовой знати у скандинавов в раннем Средневековье. — *Примеч. ред.*

они на странном языке, выученном не то в Хедебю, не то на западных островах, что делало речь маловразумительной и режущей слух.

В общем, существовали причины, которые препятствовали обращению людей в иную веру. В результате коротковолосяе, неустанно рассуждающие о мире и при этом яростно низвергающие старых богов, были поочередно схвачены и повешены на священном ясене либо же убиты из лука, после чего принесены в жертву птицам Одина. Выжившие ушли на север, в леса Геинге, где люди оказались терпимее. Там их радушно приняли, связали и отправили на торги в Смоланде, чтобы продать и обменять на волов и бобровый мех.

Некоторые из живущих в Смоланде в качестве рабов распустили волосы, отреклись от своего Бога Иеговы и даже показали себя недурными работниками. Но большая часть продолжала развенчивать богов, используя время, отведенное им на теску камней и измельчение зерна, для обращения женщин и детей в иную веру. Вскоре они так всем надоели, что для того чтобы выторговать пару трехгодовалых волов за одного священника, приходилось давать к нему в довесок мерку соли или ткани. Ненависть к коротковолосям росла.

В один из летних дней по всей Дании разнеслась молва: конунг Харальд Синезубый принял новую веру. Он с юности был склонен к чудачествам, однако обычно тут же раскаивался в том или ином своем поступке и отрекался от него. Но на сей раз он твердо определился с выбором. Уже пожилой человек, конунг Харальд несколько лет страдал от таких ужасных болей в спине, что не находил более радости ни в пиве, ни в женщинах. Один хитрый епископ, направленный самим Императором, усердно натирал

его медвежьим жиром, освященным именами апостолов, закутывал в овечью шкуру, поил настоянной на травах святой водой вместо пива, осенял крестными знаменами и проводил обряды изгнания бесов до тех пор, пока боли не покинули его. Так конунг сделался христианином.

Тогда священники внушили конунгу, что его страдания возобновятся с новой силой, если он когда-либо опять совершит жертвоприношение или проявит недостаток усердия в следовании новой вере. Поэтому, как только конунг Харальд ощутил себя вновь здоровым и способным исполнять свои обязанности перед юной марокканской рабыней, отправленной ему в дар королем Корком, он издал указ о добровольном переходе всех его подданных в христианство. И хотя такой призыв от человека, возводившего свой род к самому Одину, казался странным, многие подчинились в силу его долгого и благополучного правления, а также оттого, что слово его считалось законом. Он ввел особый вид наказания для тех, кто обвинялся в угнетении священника. В Сконе вновь начало расти число священников, на открытых пространствах возводились церкви, а старые боги были преданы забвению. К ним обращались лишь в случае опасности на море или при падеже скота.

Но в Геинге указ конунга стал лишь поводом для очередного веселья. Люди, населявшие пограничные леса, обладали более тонким чувством юмора, нежели их рассудительные соседи с равнин, и ничто не доставляло им такого удовольствия, как подобные указы. В прежние времена, когда правили Харальд Хильдетанд и Ивар Широкие Объятья, конунгов часто приглашали в Геинге на охоту на диких зубров и редко по каким-либо другим поводам. Однако к этому времени дикие зубры полностью

вымерли, и визиты конунгов прекратились. Поэтому теперь, если какой-нибудь конунг проявлял дерзость, сетуя на непокорность жителей этой местности или упрекая их в низких податях, и угрожал своим личным прибытием для наведения порядка, он получал следующий ответ: к великому сожалению, диких зубров в этой области давно не видели, но как только появится хоть один, конунгу немедленно сообщат, и он будет встречен с подобающими почестями. Вследствие этого приграничные жители часто говорили, что ни один конунг не появится в их стране до тех пор, пока не вернутся дикие быки.

В общем, в Геинге все шло своим чередом, и христианство тут так и не прижилось. Священников, которые осмеливались сюда приезжать, по старинке продавали за границу. Правда, некоторые местные жители считали, что лучше их сразу уничтожить, потому что люди из Смоланде платили за них так мало, что везти их на продажу было просто невыгодно.

Часть первая

**ЗАТЯНУВШЕЕСЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ**

Глава первая

ВОЖДЬ ТОСТИ И ЕГО ДОМОЧАДЦЫ

Вдоль побережья люди селились на хуторах, вблизи друг от друга. Соседство позволяло совместно добывать пропитание и не зависеть только от одного промысла, а также объединять усилия против набегов с кораблей, огибающих полуостров Сконе. Весной грабители высаживались для пополнения запасов провизии перед дальнейшими рейдами на запад, а зимой — в случае неудачных походов. При приближении грабителей жители оповещали друг друга трубными звуками, собираясь для отражения нападения.

Однако гордые и состоятельные люди, владевшие собственными кораблями, тяготились соседством и предпочитали жить обособленно. Они нанимали воинов для охраны своих домов, пока сами находились в море. В местности Холмы таких зажиточных поселенцев было много, а здешние богатые бонды* славились своей гордостью по всему Датскому королевству. Даже живя в отдалении, они часто провоцировали ссоры с соседями. Но чаще всего они были в морских походах, считая море своей вотчиной и жестоко наказывая тех, кто нарушал их «владения».

Одним из таких могущественных бондов был Тости — великий мореплаватель, который, несмотря на преклонный возраст, каждое лето отправлялся в плавание к чужим берегам. У него был родственник в Лимерике в Ирландии

* Свободный человек в скандинавских странах в раннее Средневековье, владевший своим хозяйством и не имевший отношения к знати. — *Примеч. ред.*

из числа осевших там викингов. Тости ежегодно плавал на запад, чтобы торговать и помогать предводителю викингов, потомку Рагнара Кожаные Штаны, собирать дань с мирного населения, монастырей и церквей. Однако жизнь викингов в Ирландии становилась все сложнее, особенно после того как конунг Мюиркьяртан Кожаный Плащ объявил о неповиновении. Местные жители, охотно подчиняющиеся своему королю, оказывали сопротивление, поэтому вымогательство дани стало опасным занятием. Даже церкви и монастыри были теперь укреплены высокими каменными башнями, недоступными для огня и меча. Многие соратники Тости считали, что набеги на Англию или Францию были бы менее рискованными и при этом более прибыльными. Но Тости предпочитал привычные маршруты, считая себя слишком старым для освоения новых земель.

Его жена Аса родом из приграничного леса отличалась вспыльчивым характером и острым языком. Однако она была умелой хозяйкой и хорошо управляла поместьем в отсутствие Тости. У них было пятеро сыновей и три дочери, но судьба сыновей сложилась трагически. Старший сын погиб на собственной свадьбе, пытаясь в пьяном виде оседлать быка. Другого сына смыло за борт во время его первого похода.

Среди всех детей Тости и Асы самым невезучим оказался их четвертый сын, Ари. Когда ему исполнилось девятнадцать лет, он вступил в связь сразу с двумя замужними соседками, чьи мужья были в отлучке, и обе женщины забеременели от него. Эта ситуация поставила Тости перед лицом серьезных проблем и потребовала значительных финансовых затрат. Пережитое повергло Ари в глубокое уныние, сделав его крайне робким и застенчи-

вым. Позднее в порыве гнева он убил человека, который постоянно насмехался над ним, и был вынужден покинуть страну. Поговаривали, что он нанялся на судно к шведским купцам и отправился на восток, стремясь избежать встреч с теми, кто знал о его зловключениях. С тех пор никаких вестей о нем не поступало. Однако Асе однажды приснился черный конь с окровавленными лопатками, и она поняла, что ее сын скончался.

После этого у Асы и Тости осталось двое сыновей. Старшего из них звали Одд. Он был молод, крепкого, но нескладного телосложения, с кривыми ногами, сильными, загрубевшими от работы руками и угрюмым характером. Вскоре он начал сопровождать Тости в его морских походах, где проявил себя как опытный мореплаватель и умелый воин. Однако дома его поведение кардинально менялось: долгие зимние месяцы казались ему утомительными, и он постоянно вступал в споры с Асой. Он мог заявить, что предпочитает есть прогорклую солонину на корабле, нежели отмечать праздник Йоля дома. Аса же говорила, что ни разу не замечала, чтобы он ел меньше других за столом. Часто он дремал днем, жалуясь на бессонницу, и утверждал, что ничто не помогает ему, даже если он берет с собой в постель одну из служанок.

Аса была возмущена тем, что Одд имел связи с ее служанками. Она боялась, что это может породить в них гордыню и дерзость по отношению к ней, и поэтому настаивала на его скорейшей женитьбе. Но Одд отмахивался от этих предложений, утверждая, что его сердце принадлежит ирландским женщинам, которых он вряд ли сможет привезти с собой, ибо в таком случае Аса неизбежно вступит в конфликт с каждой из них. Эти слова приводили Асу в ярость. Она вопрошала, кто послал ей такого сына,

и желала себе скорейшей смерти. На это Одд отвечал, что решение о том, жить ей или умирать, принадлежит ей самой, и он, будучи не в силах давать ей указания, смиренно примет любой ее выбор.

Хотя речь его была нетороплива, Асе не всегда удавалось вставить свое слово. Однако, когда появлялась возможность, она делилась своей глубокой скорбью: ей выпало несчастье потерять троих замечательных сыновей и остаться с сыном, которого она даже не стала бы оплакивать.

Одд же тянулся к отцу. С приходом весны, когда воздух на пристани наполнялся запахом смолы из корабельного сарая, его охватывала радость, и он даже, пусть и не обладая большим даром, пытался сочинять стихи о том, что луг гагарок еще не готов к обработке или что морские кони скоро унесут его в теплые края.

Но как скальд он не снискал признания среди дочерей соседних земель, и мало кто обращал на него внимание, когда он покидал страну.

Своего младшего сына, Орма, Аса оберегала как самое дорогое сокровище. Орм рос стремительно, становясь высоким и костлявым юношей, что сильно тревожило мать. Ее беспокойство усугублялось, когда он не доедал порцию, положенную взрослому мужчине. Аса была убеждена, что слабый аппетит приведет его к гибели. На самом же деле Орм был охоч до еды, и материнские причитания об аппетите его раздражали. Одд и Тости также негодовали, видя, как мать откладывает самые вкусные куски специально для Орма. Перенесенные Ормом в детстве тяжелые заболевания укрепили Асу в уверенности, что он хрупок здоровьем. Она неустанно заботилась о нем, убеждая его в необходимости применения священного лука и знахар-

ских заклинаний от мнимых судорог, тогда как истинной причиной его недомоганий обычно было простое пере-едание свинины и пшенной каши.

Со взрослением сына росла и тревога Асы. Она гордилась его превращением в высокого, сильного и красноречивого юношу, видя в нем достойного продолжателя рода по материнской линии и будущего вождя. Однако, опасаясь грядущих испытаний, она часто напоминала ему о трагических судьбах его братьев и требовала обещаний быть осторожным с быками, на море и избегать связей с замужними женщинами.

Но, помимо этих угроз, его поджидало множество других бед, и Аса не знала, от чего его следует предостеречь в первую очередь. Несмотря на достижение Ормом шестнадцатилетнего возраста, позволявшее отправиться в плавание вместе со всеми, Аса не пустила его, считая слишком молодым и слабым. Когда же Гости в шутку спросил, не хочет ли она сделать из сына кухонного вождя или любимца старушек, Аса так разозлилась, что он испугался и больше не докучал ей, довольный тем, что ему самому пока еще разрешено уехать. Той осенью Гости и Одд задержались в походе, потеряв почти всех гребцов. И все же они остались довольны путешествием и привезли немало занимательных историй.

В Лимерике их ждала неудача: могущество конунга Ирландии в Мюнстере заставило местных викингов прекратить грабежи и довольствоваться уже имеющимся добром. Однако вскоре его друзья попросили сопроводить их на тайном посещении крупной летней ярмарки, ежегодно проводившейся в Мерионет, в Уэльсе. Это было место, куда викинги еще не заплывали, и путь туда был возможен только с двумя опытными проводниками.